

Сауриди Владимир Евгеньевич

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НЕКОТОРЫХ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1996 ГОДА

В статье дается уголовно-правовая характеристика понятия "геноцид". Показано влияние международно-правовых норм на российское уголовное законодательство, обозначена проблема практической невозможности применения данного состава из-за трудности установления умысла на истребление определенной группы лиц. Даны конкретные формулировки предлагаемых к криминализации деяний, обосновано исключение ст. 357 из УК РФ, предложено денонсировать Конвенцию от 9 декабря 1948 года "О предупреждении преступления геноцида и наказании за него".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С. 176-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

HELLENISM AND JUDAISM INTERACTION AS HISTORICAL-CULTURAL FACTOR OF BYZANTIUM EARLY CHRISTIAN CULTURE FORMATION

Revko-Linardato Pavel Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Southern Federal University
pareli@mail.ru

Hellenism and Judaism cultures mutual influence is considered in the article as the early Christian culture formation premise. Christianity managed to integrate Hellenism and Judaism elements mainly thanks to the fact that the Judaic culture had been subjected to Hellenization process even before Jesus Christ was born. The experience of Christianity interaction with the Greek intellectual heritage was anticipated in Hellenized Judaism, which demonstrated the possibility of monotheistic religion synthesis with pagan philosophy. The Greeks and Jews' cultural contacts research in the ancient epoch allows revealing the peculiarities of the Byzantine Empire Christian culture formation and development.

Key words and phrases: Hellenism; Judaism; Christianity; paganism; antiquity; culture.

УДК 34

Юридические науки

В статье дается уголовно-правовая характеристика понятия «геноцид». Показано влияние международно-правовых норм на российское уголовное законодательство, обозначена проблема практической невозможности применения данного состава из-за трудности установления умысла на истребление определенной группы лиц. Даны конкретные формулировки предлагаемых к криминализации деяний, обосновано исключение ст. 357 из УК РФ, предложено денонсировать Конвенцию от 9 декабря 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

Ключевые слова и фразы: геноцид; намерение истребить; гонимая общность; неприятие; уголовно-правовой критерий; квалифицирующий признак.

Сауриди Владимир Евгеньевич

Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации
sauridi_3196@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НЕКОТОРЫХ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1996 ГОДА[©]

Термин «геноцид» возник в 30-40-е годы XX века и быстро получил широкое распространение не только в юридической и исторической сферах, но и общественно-политической области. Его использование в средствах массовой информации и публицистике привело к искажению уголовно-правового смысла этого термина, впервые официально употребленного в международных соглашениях, а именно в Конвенции от 9 декабря 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» и предшествовавших ее принятию резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций. В свою очередь, подобное некорректное использование привело к возникновению в общественном сознании устойчивой связи между понятием «геноцид» и убийствами групп людей, отличающихся по расовым, национальным, религиозным или каким-либо другим признакам от преследующих данную общность преступников.

Обращение к Толковому словарю русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова, где геноцидом названо «истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное и военное время по расовым, национальным или религиозным мотивам» [1], позволяет заключить, что часто при употреблении обсуждаемого термина допускается формально логическая ошибка в виде подмены понятий и любые насильственные действия против социальной группы, объединённой по тому или иному признаку, именуются геноцидом. Однако уже определение из Толкового словаря обозначает главную специфику геноцида – это истребление, иными словами, умышленное действие (или комплекс умышленных действий), направленное на уничтожение некой гонимой общности, а не отдельных её представителей или их групп. В отсутствие данного признака геноцид с позиции элементарной логики неотличим от массовых убийств людей, объединённых по всё той же принадлежности к определённым национальностям, расам или религиозным группам, что становится ясно даже при самом поверхностном рассмотрении.

Юридическое определение геноцида содержится в статье II Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»: «...под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые

[©] Сауриди В. Е., 2013

с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» [2].

Наиболее важным аспектом рассматриваемого деяния является намерение осуществить обозначенные в определении действия, то есть лицо осознаёт их характер и желает их совершения, а следовательно, субъективная сторона преступления геноцида отмечена прямым умыслом. В свою очередь, употреблённое в понятии слово «намерение» применено к целой категории – уничтожению гонимой группы как таковой, включающей перечисленные по пунктам действия. То есть формулировки из определения позволяют юридически разграничить геноцид и другие действия против неугодных общностей. Иначе говоря, разовое убийство нескольких тысяч человек, принадлежащих, к примеру, к некоей религиозной группе (но не всех), при отсутствии у преступников умысла на истребление этой общности, должно считаться не актом геноцида, а убийством двух и более лиц на почве религиозной неприязни.

Однако рассматриваемое в качестве примера разовое убийство нескольких тысяч человек, объединённых по принадлежности к определённой религии, может являться геноцидом, если в указанную группу объединены для цели уничтожения все находившиеся на территории, подконтрольной инициаторам и организаторам планировавшегося истребления, подвластные им последователи гонимой религии. Сразу отметим, что под принадлежностью к религии стоит понимать и приверженность к локальным культам, насчитывающим всего несколько тысяч, а то и сотен последователей.

Приведённая трактовка следует из толкования конвенционального определения, а попутно объясняет кажущуюся противоречивой формулировку о геноциде как действиях, совершаемых с намерением уничтожить определённую группу как таковую полностью или частично. Последнее, то есть частичное уничтожение определённой группы как таковой или же намерение предпринять подобное, – это истребление всех подконтрольных инициаторам геноцида членов гонимой общности, независимо от наличия или отсутствия у первых желания на уничтожение абсолютно всех, в том числе и неподвластных организаторам геноцида, представителей определённой группы.

Другим вариантом частичного уничтожения определённой группы как таковой, на наш взгляд, можно считать истребление всех взрослых её членов, являющихся носителями культуры и менталитета этой общности, при сохранении жизни малолетним детям, которые обречены на существование в иной культурной среде, нежели та, к которой они принадлежали по рождению.

К частичному уничтожению определённой группы как таковой относится и истребление всех находящихся в репродуктивном возрасте представителей одного из полов гонимой общности, что исключает ее дальнейшее размножение в рамках самой себя, а следовательно, означает неизбежность серьёзной ассимиляции либо вымирание.

На практике действия из конвенционального определения геноцида с трудом отличимы от иных нарушений гуманитарного права. Наиболее отчетливо это становится видно при изучении событий в Руанде в 1994 году, названных в официальных международных документах геноцидом. Историческая вражда двух крупных этносов – хуту и тутси – вкупе с предоставлением в июле 1962 года независимости Руанде со стороны Бельгии привели к началу острой борьбы за власть, сопряженной с этническими чистками. По словам бывшего прокурора Международного трибунала по Руанде Карлы дель Понте, «в 1963 году армия повстанцев тутси вернулась в Руанду и попыталась свергнуть власть хуту. Те события можно считать предвестниками геноцида 1994 года. Тогда хуту убили более 10 тысяч тутси, а 300 тысяч были вынуждены бежать в Бурунди, Уганду и другие соседние страны» [3, с. 115]. Однако последующие 30 лет показали, что не только хуту выступали в роли преступников, а тутси их жертв: «В Руанду просачивались слухи о том, как тутси убивают хуту в соседней стране Бурунди» [Там же].

Принципиальное значение имеет факт, что события непосредственно относящиеся к периоду осуществления так называемого геноцида в Руанде, то есть к началу апреля – середине июля 1994 года, далеко не исчерпываются нормами Конвенции 1948 года. Нужно подчеркнуть, что подчинявшиеся правительству хуту «офицеры и руководители районов и городов вдали от Кигали стали отдавать солдатам и членам милиции приказы об убийстве местных тутси и умеренных лидеров хуту» [Там же, с. 119], то есть вывели проводившееся истребление за рамки принадлежности к определённому этносу. Сложно характеризовать это сугубо как эксцесс исполнителя, поскольку после падения обвиняемого в организации геноцида правительства хуту «из страны бежали тысячи хуту, в том числе и те, кто принимал участие в убийствах, по разным оценкам – от 500 до 800 тысяч тутси и умеренных хуту» [Там же, с. 120].

Квалифицировать массовые убийства людей той же национальности, что и организаторы геноцида (от лидеров «умеренных хуту» до тех, кто просто не желал участвовать в убийствах тутси), как геноцид не позволяет определение этого деяния из Конвенции, поскольку, несмотря на возможное существование умысла на уничтожение наряду с тутси и умеренных хуту, резонно предположить, что главной причиной их

истребления было неугодное поведение, а не этническая составляющая. Однако данное возражение само по себе не исключает существования у членов правительства хуту умысла на уничтожение этноса тутси.

Примечательны и данные исследователей-африканистов, согласно утверждениям которых к 1994 году на территории Руанды проживала большая группа лиц смешанного происхождения, хотя документально их принадлежность к тутси или хуту определялась по национальности отца.

Подытоживая сказанное, следует заметить, что существование умысла на совершение в Руанде геноцида, то есть деяния, описанного в Конвенции 1948 года, находится под вопросом, и за провозглашенным для масс намерением уничтожить определённый этнос (тутси), вероятно, скрывался умысел на истребление неугодных вне зависимости от их национальности.

В целом сформулированное в Конвенции понятие геноцида, подразумевающее уничтожение определённой группы как таковой, делает этот состав преступления нежизнеспособным, поскольку выявить наличие прямого умысла на истребление гонимой общности и, таким образом, субъективной стороны как неотъемлемого элемента состава преступления в ходе этнических чисток и иных нарушений международного гуманитарного права крайне сложно.

Впрочем, и возможное исключение слов «как таковую» из понятия геноцида не делает рациональным определение уничтожения некой группы по специальному признаку (национальному, расовому, религиозному) как отдельного состава преступления. Действующей редакцией статьи 105 УК РФ в число квалифицирующих признаков преступления «Убийство» включено совершение данного действия в отношении «двух или более лиц» [4] (пункт «а» части 2) и «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [Там же] (пункт «л» части 2).

В подобном случае, то есть при исключении формулировки «как таковую» из определения геноцида и протекающего из этого изменения субъективной стороны преступления с прямого умысла на уничтожение и/или препятствование дальнейшему размножению всех либо же находящихся во власти организаторов геноцида представителей гонимой группы на убийство двух и более лиц по мотивам неприятия, перечисленным в пункте «л» части 2 статьи 105 УК РФ, единственным отличием деяния «геноцид» от квалифицированного состава «убийство» становится количество жертв, при первом достаточно многочисленное. Но данный критерий не может считаться уголовно-правовым с точки зрения существующего российского законодательства, где признаком, разделяющим обычное убийство и деяние из пункта «а» части 2 статьи 105 УК РФ, выступает наличие двух и более жертв.

Особой ремарки достойно предпочтительное употребление слова «неприятие», по мотивам которого может быть совершено убийство двух и более лиц, вместо выражений «ненависть» и «вражда» из действующих формулировок УК РФ. Последние представляются нам не вполне применимыми к массовым убийствам в случае, если они инициированы государственными деятелями. Прагматизм и расчётливость, свойственные умным политикам, фактически исключают влияние столь сильных чувств, как ненависть и вражда, на принятие решения об уничтожении определённых групп. Однако прямой умысел на причинение смерти двум и более лицам, объединённым по национальному, расовому, религиозному либо иному подобному признаку (к примеру, знатности происхождения), явственно свидетельствует о неприятии этих лиц, по крайней мере из-за создаваемых самим фактом существования последних препятствий достижению целей, намеченных политиками-инициаторами массовых убийств.

Возвращаясь к исключению из определения геноцида формулировок, означающих, что умысел данного деяния означает намерение уничтожить определённую группу как таковую, и неизбежному последствию в виде юридического слияния этого деяния с квалифицированным составом «убийство», то есть умышленным причинением смерти двум и более лицам по причине национальной, расовой, религиозной или иной неприязни, необходимо пояснить, что возражения, аналогичные уже приведённым против выделения массовых убийств лиц, объединённых по специальному признаку, в отдельный состав преступления, можно выдвинуть и в отношении действий, изложенных в пунктах «b», «d» и «e» статьи II Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

Действия, прописанные в пунктах «b» – «причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы» [1] – и «d» – «меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы» [Там же] – статьи II Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», вне умысла на истребление некой общности поглощаются квалифицированным составом преступления из статьи 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», где особо выделяется совершение данного деяния «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [4] (пункт «е» части 2 статьи 111) и «в отношении двух или более лиц» [Там же] (пункт «б» части 3 статьи 111).

В меньшей степени схожи действие из пункта «e» – «насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» [2] статьи II Международного соглашения 1948 года и преступление, предусмотренное статьей 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)». Представляется рациональным изменить эту норму российского права, введя в неё отдельную часть с квалифицирующими признаками и, напротив, убрав странную формулировку «совершённое неоднократно», поскольку, на наш взгляд, незаконное усыновление (удочерение) должно считаться преступлением и при однократной передаче ребёнка под опеку или

на воспитание в приёмную семью с нарушением установленного порядка. Иными словами, статью 154 УК РФ (за исключением части, посвященной санкциям, которую мы оставляем за рамками настоящего исследования) следует изложить в приведённой ниже редакции:

«Незаконное усыновление (удочерение)

1. Незаконные действия по усыновлению (удочерению) несовершеннолетних, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приёмные семьи, совершенные из корыстных побуждений или без таковых, – наказываются [конкретная мера].

2. Те же действия, совершенные:

а) в отношении двух и более несовершеннолетних;

б) несовершеннолетних, объединённых происхождением из определённой национальной, расовой, религиозной или культурной общности, с целью их последующей ассимиляции, – наказываются [конкретная мера]».

Вместе с тем следует заметить, что российский УК не содержит состава преступления, аналогичного либо же имеющего серьёзное сходство с действиями, описанными в пункте «е» – «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее» [Там же] из статьи II Конвенции 1948 года. История знает примеры помещения многочисленных групп населения, объединённых по национальному, политическому или культурному признаку, в концентрационные лагеря, что приводило к высокой смертности среди членов этой общности вкупе со снижением рождаемости. Однако нельзя забывать, что, поскольку такие действия чаще всего имели место в ходе вооружённых конфликтов (в том числе гражданских войн), допустима их квалификация как военных преступлений, конкретно – использование запрещённых средств и методов ведения войны.

Произведённый выше подробный разбор деяния «геноцид» позволяет прийти к заключению, что совершение подобного преступления с учётом конвенционального определения представляется невозможным в принципе и позволяет выдвинуть предложение об исключении из российского УК статьи 357 «Геноцид» при одновременной замене квалифицирующих признаков «ненависть и вражда» на категорию «неприязнь» и внесении описанных выше изменений в составы, предусмотренные статьями 105 «Убийство», 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», 154 «Незаконное усыновление (удочерение)» УК РФ, а также отдельной криминализации деяния «Создание для общности, объединённой по национальному, расовому, религиозному, политическому или культурному признаку, жизненных условий, направленных на повышение смертности и/или снижение рождаемости среди её представителей». Также требуется денонсировать Конвенцию 1948 года, что допускается на основании статьи XIV данного соглашения, во избежание возникновения противоречий между положениями национального закона и международного акта.

Список литературы

1. **Геноцид** [Электронный ресурс] // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/words/5522.shtml> (дата обращения: 14.10.2013).
2. **О предупреждении преступления геноцида и наказании за него** [Электронный ресурс]: Конвенция от 9 декабря 1948 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 14.10.2013).
3. **Понте К. дель, Судетич Ч.** Охота: я и военные преступники. М.: Эксмо, 2008.
4. **Уголовный кодекс Российской Федерации** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: <http://www.uk-rf.com/> (дата обращения: 14.10.2013).

CORRELATION OF GENOCIDE CRIME INTERNATIONAL-LEGAL UNDERSTANDING AND SOME NORMS OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE OF 1996

Sauridi Vladimir Evgen'evich

*Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice
sauridi_3196@mail.ru*

The criminal-legal characteristic of the notion “genocide” is given in the article. International-legal norms influence on the Russian criminal legislation is shown; the problem of the practical impossibility of this component application due to the hardship of the intent ascertainment aimed at some persons group depopulation is emphasized. The concrete wordings of the deeds suggested for criminalization are given, Article 357 exclusion from the Criminal Code of the Russian Federation is substantiated, and it is suggested to terminate The Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide of 9 December 1948.

Key words and phrases: genocide; intention to depopulate; turned out community; unacceptance; criminal-legal criterion; qualificatory sign.